

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ОНОМАСТИКА ТИПОЛОГИЯ СТРАТИГРАФИЯ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А. В. СУПЕРАНСКАЯ

К1 094198

МОСКВА НАУКА 1983

В 50-е годы среди удэгейцев происходит «антропонимический взрыв», связанный с дальнейшим культурным развитием и ознакомлением с именами других народов. Кроме обычных русских имен, которыми удэгейцы пользовались в 30—40-е годы, у них появились такие имена, как *Валентин, Игорь, Родион, Альберт, Дежян, Лев* и др. Девочек называли именами *Юля, Элла, Алла, Лена, Гульнара, Маргарита, Ульяна, Фаина, Эльвира, Серафима, Мая, Груня, Альбина, Алиса, Анастасия, Виктория, Елизавета* и др.

В 60-е годы удэгейцы своих детей еще продолжали называть именами, которые раньше не употреблялись. Мальчикам давали имена *Моисей, Феликс, Радик, Иосиф, Роберт, Андриян*, а девочек называли *Инна, Марина, Виталия, Ия, Жанна, Анжела, Марьяна* и др.

В 70—80-е годы удэгейцы своих детей уже не называют «модными» именами 50—60-х годов, а стали давать имена, легко прозносимые. Так, мальчики стали получать такие имена, как *Владимир, Валерий, Анатолий, Виктор, Геннадий, Игорь, Аркадий, Сергей, Дмитрий, Юрий, Леонид, Константин, Евгений, Артем, Алексей* и т. д. Девочек называют именами *Наташа, Лариса, Людья, Ольга, Катя, Нина, Света, Таня, Мария, Галина, Алена* и др.

Таким образом, удэгейские личные имена несут в себе следы истории народа и его языка. Они отражают социальную психологию народности. Основное ядро удэгейской антропонимии составляют имена, близкие антропонимической системе орочей, ульчей, нанайцев, эвенков и других народностей Дальнего Востока. В результате культурных контактов с русскими и другими народами у удэгейцев встречается много заимствованных имен.

Н. Н. Мамонтова

КАРЕЛЬСКАЯ И ВЕПССКАЯ АНТРОПОНИМИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Личные имена, фамилии, прозвища у карел и вепсов у нас в стране до сих пор почти не изучались. В различного рода научных изданиях, как, например, в статье А. И. Попова «Материалы по топонимике Карелии»¹ содержатся лишь отдельные высказывания о характере карельской антропонимии. Однако в Финляндии имеется ряд публикаций по прибалтийско-финской, и в том числе карельской, антропонимии². Особенно полно она представлена

¹ *Попов А. И.* Материалы по топонимике Карелии // Сов. финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. Т. 5.

² Не останавливаясь на множестве публикаций по финской антропонимии, отметим лишь ряд работ, представляющих для нас особый интерес: *Fors-*

в трудах известного финского топонимиста Вильё Ниссиля³.

В основу данной статьи легли материалы, собранные автором во время ежегодных (начиная с 1971 г.) экспедиций, а также извлечения из разнообразных письменных источников⁴.

Карельский и вепсский языки относятся наряду с финским, эстонским, ижорским, водским и ливским к прибалтийско-финской группе. Поскольку карельский и вепсский языки бесписьменные, в настоящее время карелы и вепсы в большинстве своем двуязычны. Помимо своего родного, они свободно владеют русским языком. Это обстоятельство накладывает свой отпечаток на антропонимию вепсов и карел, в которой выделяются отдельные страты, восходящие к русским или прибалтийско-финским именным системам.

Официально принятые личные имена современных карел и вепсов мало чем отличаются от именования русских: используется та же трехчастная формула — фамилия, имя, отчество, например: *Анисимова Анна Филипповна, Бояров Николай Осипович, Ершова Людмила Фёдоровна, Куропаткина Анна Алексеевна*. На фоне типично русских имен и фамилий выделяются своей необычностью исконно карельские (вепские) фамилии, например: *Вáфтова Анастасия Ивановна, Бýллиев Геннадий Дмитриевич, Вúглиева Иринья Фёдоровна, Вúришев Петр Иванович* и т. п. Часть таких фамилий образована от карельских дохристианских имен и прозвищ.

Русские личные имена свойственны в большей степени южным карелам (ливвикам и людикам) и вепсам. Что касается жителей средней и северной Карелии, так называемых собственно карел, то у них наряду с указанными именами встречаются календарные личные имена, принятые у финнов, например: *Арво Филиппович Денисов, Хилья Михеевна Добрынина, Тойво Сергеевич Макаров, Рейно Филиппович Тарасов* и т. д.

Как представляется, у северных карел, как и во всей Карелии, ранее был принят русский православный именование, но, поскольку жители этих мест имели более тесные контакты с финнами (собственно карельский диалект ближе, чем другие диалекты карельского языка, к финскому языку), это наложило отпечаток и на антропонимию. В первые годы Советской власти в силу ряда исто-

man A. V. Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla, Helsinki, 1894. T. I; Kalima J. Karjalaiset henkilönnimet Äänisen viidenneksen vanhoissa verokirjoissa // Kalevalaseuran vuosikirja, Helsinki, 1942. Vol. 22; Stoebke D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Hamburg, 1964.

³ *Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistöissä. Virittäjä, 1943; Idem. Lisää venäläis peräisiin henkilönnimiin Itä-Karjalan paikannimistössä. Suomi, 1947, N 104; Idem. Suomalaista nimistöntutkimusta // Suomalaisen Kirjallisuuden... Seuran Toimituksia 272. Helsinki, 1962; Idem. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975; Idem. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. Helsinki, 1976. T. I.*

⁴ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

рических и политических причин заметно усилилось влияние финского языка: многим детям, родившимся в 30-е годы, давались финские имена. В 1937—1940 гг. употребление этих имен резко сократилось. В послевоенный период финские имена почти полностью исчезают. Это можно наглядно показать на именах детей в некоторых многодетных карельских семьях. Например, в одной семье дети получили следующие имена: *Олави* (1931 г. рожд.), *Виэно* (1934), *Ауне* (1937), *Валентина* (1940), *Нина* (1945), *Анатоль* и *Александр* (1949), *Сергей* (1953).

В быту у карел и вепсов существует широко развитая система неофициального именования в соответствии с иными антропонимическими формулами. Например, Иван Тимофеевич Иванов неофициально зовется *Ишойн Ийван*, Филипп Филиппович Омосов — *Хильчун Омой*, Семен Егорович Матчиев — *Мачойн Семой* и т. д.

В настоящее время в семьях карел и вепсов, а также при смешанных браках с русскими обычно даются русские имена. Но если муж и жена — финны, предпочтение отдается финским именам.

В карельской антропонимии более древний пласт составляют исконно карельские (дохристианские) имена, которые со временем были перекрыты мощным пластом православных личных имен, активно внедрявшихся церковью после крещения карел в 1227 г. Эти новые, совершенно чуждые для карел имена давались служителями церкви, заносились в документы и постепенно усваивались носителями имен чаще всего в переработанном виде.

Прекрасной иллюстрацией по древней антропонимии служат «Писцовые книги 1496 и 1563 гг.» (Л., 1930). И хотя в них почти не содержится указаний на этническую принадлежность носителей указанных имен, можно предполагать, что речь идет о карелах (или близких им в языковом отношении вепсах) в местах их давнего обитания, например в южной и юго-западной части Карелии.

Финский ученый Яло Калима приводит ряд антропонимов карельского, по его мнению, происхождения (наиболее характерным их признаком являются окончания *-ой*, *-уй*, *-юй*), встречающихся в писцовых книгах: *Алкой*, *Вачюй*, *Гимой*, *Керчуй*, *Кужой*, *Мичюй*, *Мохтой*, *Пойгой*, *Тутуй*, *Чилдой*, *Шохмой* и др.

Ряд имен он пытается расшифровать: Гришка Иванов *Гангопя* (из кар. *hanço* 'вилы' + *rää* 'голова, конец'), Иванка *Куйва* (из кар. *kuiva* 'сухой'), Микитка Семенов *Пукой* (из кар. *puikko* 'финский нож'), *Товкой* Литвин (кар. *toukka* 'личинка, куколка'), Гридка Вачюев, Исачко и Васко *Вачюй* (из кар. *vattšoi*, *vatša* 'живот'), Левко да Ефимко *Гимоевы* (из кар. *himo* 'желание, страсть'), Иванко *Пойгой* (из кар. *poiga* 'сын') и др. В этих же писцовых книгах встречаются русские личные имена и прозвища, оканчивающиеся также на *-ой*: Иванко *Гиблой*, Иванко *Дорогой*, Карпик *Малой*, Истомка *Черной* и т. п. Некоторые из них могли служить основой при образовании карельских фамилий, в частности, как считает Калима, фамилия *Пяттуев* происходит от русского дохристианского имени *Пятый*.

Для древней антропонимии карел характерны также причастные имена на *-ttu*, *-tty* (образованные от II причастия пассива): *Himottu*, *Ihattu*, *Ilmottu*, *Ilottu*, *Janottu*, *Kahittu*, *Lemitty*, *Mielittu*, *Puhuttu*, *Valittu*, *Vihattu*), а также имена на *-va*, *-vää* (образованные от I причастия актива): *Elevä*, *Horjuva*, *Kukkuva*, *Kuuluva*, *Ottava*, *Soittava*, *Tietävä*, *Vihava* (ср. *Vihattu*).

Поскольку русский и карельский (равно как и вепсский) языки являются разносистемными, то зачастую русский язык не передает звукового состава первоначального карельского имени, ставшего со временем основой фамилии, поэтому не всегда удается разгадать, что стоит за ним. Так, в русском языке отсутствуют характерные для карельского дифтонги, звуки *ä*, *ü*, *ö*, носовой согласный *ŋ* и т. д. Русское *g* может передавать карельские звуки *h* и *g* (так, в основе карельской фамилии *Гангоев* могут лежать как лексема *hanhi* 'гусь', так и *hangi* 'наст').

Следует отметить также, что иногда бывает трудно решить, какого происхождения антропоним, русского или карельского, поскольку ряд карельских апеллятивов был заимствован русскими народными говорами, например, в писцовых книгах Оболенской пятины встречаются такие записи: Гридя Юдин *Мянда* (с. 162); ср. рус. *мянда* 'сосна (на болоте)' из кар. *mäntu*, *mändy*; Иванко *Карбас* (с. 47), ср. рус. *карбас* 'особый вид лодки' из кар. *karvas*; *Кубач* (с. 26), ср. рус. *кубач* 'сноп' из кар. *kubo*, фин. *kuro*; Прошка Тимофеев *Рянжа* (с. 110), ср. рус. *рянжа* 'слякоть (снег с дождем)' из кар. *räntä*; *Тинда* (с. 41); ср. рус. *тинда* название рыбы из кар. *tinda*; Микитка *Тукач* (с. 149), ср. рус. *тукач* название птицы из кар. *tuukka*; Офонско Матвеев *Паскачев* (с. 120), ср. рус. *паскач* название птицы, кар. *paskats*; Степанко Юрьев *Рохкачев* (с. 143), ср. рус. *рохкач* 'незрелый, неспелый' из кар. *ruohka* 'незрелая ягода'; Васюк *Гукиев* (с. 69), ср. рус. *гуйка* название птицы из кар. *kuikka*, *guikka* 'гагара'.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что уже в XV—XVI вв. наряду с личными именами для обозначения человека употреблялись дополнительные имена. Это еще не настоящие фамилии, которые по наследству передавались членам одной семьи (такие фамилии оформились у карел гораздо позднее), но уже их прообразы. Первоначально роль фамилии выполняли, очевидно, прозвища, с помощью которых различались люди, нареченные одними и теми же именами в определенном коллективе: Машук Дмитров *Кривой* (с. 149), Тишук Оксентьев *Бесзубый* (с. 110), Федко Мерзляк (с. 162), *Тонкой Шунжанин* (с. 161), Фетко Гаврилов *Чебот* (с. 161), Якуш *Мелничник* (с. 161) и т. д. Основой для появления подобных прозвищ, как известно, служили и служат до сих пор определенные особенности людей: физические недостатки (реже — достоинства), черты характера, профессии и занятия людей, место жительства, время рождения и т. д. В этом отношении карельские и вепсские прозвищные фамилии не являются исключением.

Поскольку у северных карел встречаются финские имена и фамилии, то приходится вкратце упомянуть и о них. Отличительной чертой финских фамилий является то, что в их образовании, наряду с прозвищами — этими своеобразными характеристиками людей, большую роль играют особенности местной географии. Вначале финские фамилии (как и карельские) представляли собой чистую основу (*Йоки* < jogi 'река', *Киви* < kivi 'камень', *Коски* < koski 'порог (в реке)', *Ранта* < ranta 'берег', *Салми* < salmi 'пролив' и т. д.). Позже они оформлялись при помощи различных суффиксов (*Йокинен*, *Кивикас*, *Коскела*, *Рантала*, *Салминен*); имело место и словосложение (*Виртаранта* букв. 'течение + берег', *Кивикангас* букв. 'камень + бор', *Кивиниеми* букв. 'камень + мыс').

Следует отметить при этом, что у северных карел, как и у финнов, типичным фамильным суффиксом являлся *-nen*, изначально имевший значение деминутивности. На это указывает принцип образования фамилии сына от личного имени (прозвища) отца или деда при помощи суф. *-ni* (*-nen*). Например, сына известного рунопевца *Архипа Пертунена* (Arhippa Perttunen) звали *Михаилом Архипайненом* (Arhippani Miihkali или Miihkali Arhippainen), сына *Андрея Малинена* (Malini Ontrei) звали *Юрки Андриайнен* (Otreini Jurki или Jurki Otreinen), а его сына в свою очередь — *Иван Юркинен* (Jurkini Iivana); сына *Тимофея Хуовинена* (Timo Huovinen) — *Хуовинен Мийна* (Huovini Miina) или *Тимонен Мийна* (Timoni Miina) или же *маленький Мийна* (Pikku Miina: pikku 'маленький'). Сыновья *Мартти Карьялайнена* (Lounkan Martiska) звались *Мартискайнены Максим* и *Степан* (Martiskaini Maksima и Terrana). У *Семена Рийкконена* (Simana Riikkonen) был сын *Иван Симанайнен* (Simanaini Iivana)⁵.

У южных карел соблюдалась та же традиция именования. Как отмечает В. Ниссиля в одной из своих работ, в д. Сона (Тулмозеро) проживал *Михаил Павлович Андреев*, который жителями деревни звался *Поавилан Михаил* или *Поавилайни Михаил* (Poavilan Mihail, Poavilaini Mihail). *Василий Егоров* из д. Сяпчезеро (Мунозеро) звался *Пешан Вася*, его дед — *Петр Егоров*, или *Пеша Юргинен* (Peša Jurginen: Jurgi = рус. *Егор*); *Николай Евсеев* — *Ехоран Мийкул* (Johoran Miikul), так как отец его *Евсей*, а дед — *Егор*; *Герасим Митрофанов* звался *Юоккойн Херой* (Juokkoin Heroi), потому что отец его — *Яков* (Juokkoi), а дед — *Герасим* (Heroi); *Григорий Марков* — *Вахройн Гриша* (Vahroin Griša), так как отца его звали *Варфоломеем* (по-карельски — Vahroi), а деда — *Марком* и т. д.

Как видно из приведенных примеров, многие фамилии у карел были образованы от христианских личных имен. От некоторых имен образовывались фамилии даже без каких-либо формальных внешних показателей (*Аарто* — *Абрам*, *Акима* — *Аким*, *Ап-*

⁵ Речь идет о неофициальных обиходных именах известных карельских рунопевцев Северной Карелии (в записи В. Ниссиля).

tippa — *Антип*, Huotari — *Федор*): чаще все-таки к ним присоединялся упомянутый суф. *-нен* (*-nen*): *Маттинен* (Matti — *Матвей*), *Хуотаринен* (Huotari — *Федор*), *Тимонен* (Timo — *Тимофей*). К этой же группе производных примыкает тип фамилий на *-на-йнен*: *Хариттанайнен* (Harittana — *Харитон*), *Арттанайнен* (Artti — *Артамон*).

У южных карел большинство фамилий оформлялось при помощи русских суф. *-ов*, *-ев* от карельских слов (апеллятивов и личных имен): *Виглиев* (viglii 'сойка'), *Габуков* (habuk, habukku 'ястреб'), *Героев* (Heröi — Герасим), *Гошкиев* (Hoski — Осип), *Кондроев* (Kondroi — Кондратий), *Миккоев* (Mikko — *Михаил*), *Муруев* (muru 'крошка'), *Мустоев* (musta, mustu 'черный'), *Пяччиев* (päčči 'печка'), *Трихноев* (Trihroi — Трифон), *Шалгуев* (šalgu 'заплечный мешок') и др.

Встречаются фамилии, образованные от одной и той же основы при помощи разных фамильных суффиксов, например: *Кеттуев* и *Кеттунен* (кар. kettu 'пенка, пленка' или фин. kettu 'лиса'), *Кяргиев* и *Кяргинен* (kärgi 'черный дятел'), *Мустоев* и *Мустонен* (musta, mustu 'черный') и т. д.

Довольно продуктивным в карельской антропонимии является и русский суф. *-ин*, который присоединяется к нерусской основе: *Куйкин* (kuikka, guikka 'гагара'), *Суксин* (suksi 'лыжа'), *Тухкин* (tuhka, tuhku 'зола'), *Чанжин* (кар. čond'žoi 'блоха', или вепс. čan'ž 'ворчун'), *Чомин* (čoma 'красивый') и т. п.

Что касается карельских личных имен, то основу большинства из них составляют русские христианские календарные имена, причем среди них четко выделяются две группы: полные типа Roavil — *Павел*, Mihail — *Михаил*, Mikolai — *Николай*, которые употребляются в официальной речи, и производные от них популярные народные имена, число которых довольно велико. Часто исходной формой бытовых неофициальных карельских имен служили русские неофициальные формы: *Алексейка*, *Иванка*, *Харитонка*. Русский ономастикон был усвоен и переработан карелами в соответствии с нормами карельского языка (его диалектов). Отметим при этом ряд фонетических особенностей.

На месте кратких гласных первого слога русского оригинала в карельских формах появляются долгие гласные или дифтонги: Laari — *Ларион*, Laazari, Luazari — *Лазарь*, Luukka — *Лука*, Miikkul(a) — *Николай*, Roavil(a), Ruavil(a) — *Павел*.

Некоторым диалектам карельского языка свойствен закон гармонии гласных, т. е. в простых словах могут употребляться гласные только переднего или только заднего ряда. В антропонимах наблюдается варьирование тех и других форм: Artoi ~ Arttöi — *Артемий*, D'oakkima ~ D'äkkimä — *Яким*, Nokko ~ Hökkö — *Фока*, Huohroi ~ Huöhröi — *Фофан*, Mokki ~ Mökki — *Мокей*, Parppa, Parproi ~ Pärrpä, Pärrpöi — *Парфений*.

В некоторых антропонимах представлена различная огласовка конца слова (согласно диалектным особенностям): Nama ~ Намо-Наму, Нона ~ Номо — *Фома*; Harla ~ Harle ~ Harlo ~ Har-

ju — Харлампий; Hokka ~ Hokki ~ Hokko — Фока; П'а ~ П'о ~ П'у — Илья; Jeroi ~ Jeru — Ерофей; Kassi ~ Kassu — Касьян; Kaura ~ Kauri ~ Kauroi — Гавриил; Kipra ~ Kipri ~ Kiproi ~ Kipru — Киприан, Куприян. Имеются случаи разнокальных вариантов в основе антропонимов: Tapani ~ Téroi ~ St'orpi — Степан.

Следует отметить случаи перехода гласных, например $a > o$: Агафья — Ogoi, Амос — Omossu, Андрей — Ondrii, Антип — Ontipra, Ontipru. Это явление свойственно и севернорусским народным говорам, так что вполне возможно, что исходной формой подобных карельских антропонимов послужили русские диалектные формы: Огафьяч, Омос, Ондрей, Онтип. В некоторых личных именах, напротив, произошел переход $o > a$: Борис — Barissa, Фома — Нама. Имеют место также переходы $e > o$: Емельян — Omellu, Ефим — Ohkemii, $a > e$: Аверкий — Everkkii, $e > a$: Пелагея — Palagu, $e > i$: Сергей — Sirgoi и др.

Что касается системы согласных звуков, то здесь наблюдаются следующие явления. Известно, что прибалтийско-финские языки избегают скопления согласных в начале слова (Riigo — Григорий, Liimo — Клим, Rokka — Прокофий, Riipro — Трифон), однако в ряде говоров карельского языка (например, вблизи Петрозаводска, Олонца, Салми, Суоярви) сочетания согласных в начале антропонимов сохраняются под влиянием русского языка (Griigo — Григорий, Klimoi — Клим, Prokoi — Прокофий, Trihroi — Трифон).

В отмеченных районах зафиксировано употребление звонких согласных b, d, g (Abroi, Demoi, Doroi, Hodari, Gauroi, Ignoi, Kibroi), тогда как в других говорах представлены их глухие соответствия (Aproi, Jemoi, Joroi, Hotari, Kauroi, Iknatta, Kiproi).

Звук ϕ русских антропонимов в одних говорах карельского языка передается через f : Filka — Филька, Филипп, Foka — Фока, Foma — Фома, в других заменяется на h : Hilka, Нока, Нома, hk: Jehki — Ефим, Trohkima — Трофим, hr: Ahroi — Афанасий, Huohroi — Феофан, Sohroi — Софон, Timohpie — Тимофей, hv: Ohvoi — Афанасий, Sohvoi, Sohvana — Софон, p(pp) Parpie, Parproi — Парфён.

В некоторых антропонимах мягкие согласные t', d' заменились аффрикатой \check{c} : Simoi ~ T'imoi — Тимофей, Maçoi ~ Mat'oi — Матвей, Miçoi ~ Mit'oi — Дмитрий, Onçi ~ Ont'i — Андрей и т. д. В. Ниссиля допускает, что подобные формы могли также возникнуть под влиянием русских, ссылаясь на словарь М. Морощкина «Славянский именовослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке» (СПб., 1867), где приводятся параллели: Ажима — Ачима — Ачо, Мата — Мача, Мита — Мича — Мица, Онча — Онче и т. д.

Результатом развития палатализации согласных s', z' явились формы имен Koisti (Kos'ti — Константин), Kuisma (Kuz'ma — Кузьма).

Одиночное русское *c* в середине карельской лексемы удваивалось: Issakka — *Исаак*, Isso(i) — *Исай*, Jeusso(i) — *Евсей*.

Местами наблюдается $j \sim d'$: Jekko(i) ~ D'ekko(i) — *Ефим*, Jelo(i) ~ D'elo(i) — *Елисей*, Jermie ~ D'ermie — *Еремей* и т. д.

На карельской почве произошло развитие $l'j > l'l'$, $sj > s's'$: П'л'у — *Илья*, Ул'у — *Ульяна*, Kas's'ana — *Касьян*.

Изменениям подверглись и другие согласные, например, русский звук *г* часто передается в карельских антропонимах звуком *h*: Aaap — *Аһарра*, Герасим — Негои и т. д.

Естественно, приведенными примерами не ограничивается все богатство переработки иноязычных (русских) антропонимов при усвоении их карелами. Иногда имя изменяется настолько, что оригинал устанавливается с большим трудом.

Т. А. Короткова

СУФФИКС -СК- В ОНОМАСТИКОНЕ СРЕДНЕГО УРАЛА

(историко-социальный аспект)

«Отношение между именами нарицательными и именами собственными, — писал Е. Курилович в статье «Положение имени собственного в языке»¹, — становится интересным для лингвиста лишь с того момента, когда между обеими группами существительных возникают формальные различия — например, различия в акцентуации, употреблении артикля, в склонении и т. д.». Продолжая эту мысль, скажем, что интересной для лингвиста, очевидно, будет и разница в суффиксации в именах прилагательных — апеллятивных и проприальных. Последние относятся к области ономастической лексики (топонимии и антропонимии).

Цель данной статьи — проанализировать особенности присоединения суф. -ск- к топо- и антропоосновам на Среднем Урале в XVIII—XIX вв. Анализируемые топонимы и антропонимы представляют собой полные прилагательные, образованные с помощью суф. -ск-, например, д. *Онтоновская*, фамилии *Савельевский*, *Каслинский*.

«Русская грамматика»² дает широкий перечень морфов суф. -ск- и выделяет значительные группы прилагательных, словообразовательно мотивированных топонимами и этнонимами. Именно в ономастической лексике, которая в большей своей части хорошо хронологизируется, отчетливо прослеживаются особенности присоединения суф. -ск- в антропо- и топоосновам в диахроническом

¹ Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 255.

² Русская грамматика. М.: Наука, 1980. С. 282—286.